

Ю.Ю. Карнов

«КАЗАКИ» И ПОЛИТИКА ДАГЕСТАНСКОГО РУКОВОДСТВА В 1920–1930-Е ГОДЫ

Сразу же оговорю, почему в названии казаки взяты в кавычки. Как будет показано ниже, под казаками в дагестанской среде могли пониматься и в действительности понимались представители разных социальных категорий общества — общероссийского и местного, по причине чего имели место разночтения и политические спекуляции.

Предваряя основной текст, сделаю небольшое пояснение.

Когда в 1981 г. я впервые попал в Дагестан и жил в самом отдаленном районе этой республики — Цунтинском, расположенном на границе с Грузией, мне не раз приходилось оказываться в ситуации, когда маленькие дети, показывая на меня, говорили: «Казак, казак». Для меня было весьма странным такое именование. Разве я похож на казака? И вообще разве в местной среде были казаки, а если какое-то их количество некогда и оказалось там, неужели они оставили по себе такую неизгладимую память, что даже дети конца XX в. знают о них? У взрослых людей я просил пояснений. Те отвечали, что «казаками» здесь называют грузин. В дальнейшем я узнал, что не просто грузин, а определенную социальную категорию населения.

Теперь по порядку.

Вопрос о казаках для Северного Кавказа всегда был сложным. В силу исторических обстоятельств казаки стали авангардом российской колонизации этого региона. После окончания Кавказской войны казачьи поселения разрезали на части территории расселения чеченцев, ингушей, осетин, кабардинцев и заполнили «нишу», образовавшуюся в связи с оставлением исторической родины большей частью адыгов. Горцы оказались вынужденными арендовать земли у казаков. Гражданская война для народов Северного Кавказа едва ли не в первую очередь определялась борьбой с казаками — она имела практические цели возвращения ранее принадлежавших им земель. Для Северного Кавказа — да, но не для Дагестана. Он хотя и значится в составе Северокавказского региона, но был и есть «сам по себе». В отношении же данного вопроса он совсем не вписывается в общую картину, ибо казачьих поселений на

его территории (на его **коренной** территории) не существовало¹. Реально дагестанцы столкнулись с казаками только в ходе Гражданской войны, когда те появились там вместе с армией А. Деникина. Кратковременное их пребывание оставило о себе самое гнетущее впечатление. Одна из дагестанских газет писала осенью 1919 г.: «Даже деникинский офицоз, будучи не в состоянии скрыть причины массового недовольства деникинцами, сообщал: “То, что позволяли себе казаки в горах, в особенности в сел. Доргели, не поддается описанию. Они снимали с женщин кольца, браслеты, серьги, ожерелья. Они оскорбляли жен в присутствии мужей, дочерей — при родителях, сестер — при братьях”» (цит. по: [Кашкаев 1976: 201]).

Собственно же казачьи станицы появились в Дагестане в начале 1920-х годов, и это было связано с присоединением Кизлярского округа к ДАССР по ее настоятельным просьбам, дабы позволить горцам «вылезти из каменного мешка», в котором они якобы оказались по злой воле царизма (подробнее см.: [Карпов, Капустина 2011: 63 и след.]). Однако образованный в то же время Северо-Кавказский край активно ратовал за возвращение Кизлярщины «русским» областям. «Нашла коса на камень». Казаки оказались разменной монетой, которой можно было спекулировать, коль скоро они официально были признаны «не лучшим советским элементом», и в значительной мере за счет перераспределения принадлежавших им земель на Северном Кавказе решался «горский вопрос».

Еще одно пояснение.

Для дагестанцев, носителей местных языков, в первую очередь аваро-андо-цезских, слово «казак» произносится и пишется практически так же, как и «пленный раб» — *хъзаахъ* (в лакском языке это слово пишется как *къзаахъ*, в табасаранском — *гъзаагъ* в значениях «слуга, работник, батрак»). В аварском языке фонема *хъ* — «задняя мягконёбная (увулярная) дорсальная глухая долгая хрипящая аффриката» [Саидов 1967: 711]. Впрочем, в аварском языке *хъзаахъ* — это не только «пленный раб», но и «батрак», и собственно «казак» [Там же: 521]. Данная лексема попала к дагестанцам от тюрков, возможно, предков кумыков, она кыпчакского происхождения и первоначально имела значения «оруженосец феодала, военный слуга, дружинник» и т.д. [Джидалаев 1990: 137]. Специалист в области филологии пишет: «Значение слова *хъзаахъ*

¹ В конце XIX в. шли разговоры об организации казачьих поселений в прибрежной зоне Каспия, по Самуру и Алазани, «чтобы они кольцом стянули Дагестан» [Кривенко 1896: 200, 201]. Однако до дела, к счастью, не дошло.

‘пленный раб’ в аварском, видимо, связано с тем, что в хозяйстве аварцев “пленный” (“раб”) выполнял те же функции, что и любой другой слуга, и уже имевшийся в языке термин *хъазахъ* был использован для обозначения “пленного раба”» [Там же: 137–138]².

Данная категория населения дагестанского общества пополнялась за счет пленников, захваченных в ходе регулярных военных набегов горцев, в основном в соседнюю Грузию. В итоге «грузинский след» в населении Дагестана оказался весьма значительным (подробнее см.: [Карпов 2007: 290–294]).

В «старом» дагестанском обществе (время существования которого охватывает период до окончательного его включения в состав Российской империи) *хъазахъ*’и (точнее, потомки пленных, за которыми сохранялось соответствующее обозначение), как правило, формировали отдельные *тухумы* (семейно-родственные группы). Они пользовались основными правами членов *джамаат*’а (сельского общества, общины), тем не менее некоторая дискриминация в отношении них существовала — их не допускали на сходы основной части равноправных сельчан (*узденей*), *уздени* не заключали с ними брачных связей, хоронили *хъазахъ*’ов на отдельных участках сельских кладбищ и т.п. До настоящего времени в горных селениях в ходу кочующий сюжет о том, как потомок *хъазахъ*’а устроил для *джамаат*’а хорошее угощение, единственно попросив за это не называть его больше таким обидным словом. Гости с удовольствием отведали предложенное им, но, уходя, кто-то неумышленно посетовал на то, что *хъазахъ* недосолил одно из блюд, либо, наоборот, во всем похвалил *хъазахъ*’а. То есть оный остался в глазах окружающих тем же, кем и был [Карпов 2007: 523].

Нетрудно представить, что в Дагестане описываемой поры взгляд рядовых дагестанцев на порядок вещей, в том числе общественных и политических, оставался в достаточной мере «традиционным». В свете него исходившее из Центра (которого не знали, да особенно и не желали знать, а за Ростовом — центром Северо-Кавказского края — однозначно укрепилось «клеймо» столицы пресловутого казачества) предложение населению (в основной своей массе являвшемуся лично свободными общинниками, чем они чрезвычайно гордились) подчиниться *хъазахъ*’ам, то бишь «пленникам»/«рабам», выглядело абсолютно неудообоаримым. Местные политики, преследовавшие не только

² В близком значении и фонетически почти так же звучащее слово использовалось в Кабарде и Балкарии. Оно употреблялось к лицам мужского пола и переводилось как «безобразовые» [Кокеев 1947: 31–36].

«республиканские» (т.е. возглавляемой ими республики), но и личные цели (направленные на демонстрацию населению заинтересованной позиции в этом вопросе, дабы подтвердить легитимность своих полномочий), могли небезуспешно использовать данные обстоятельства.

«Присоединение же к Юго-Восточной области, — писали они в Москву, — в глазах всего населения явится уничтожением автономии, торжественно объявленной в 1921 г. тов. Сталиным, и тогда население может почувствовать в этом обман большевиков, **новое порабощение казаками** и может заговорить о **необходимости добиться полной независимости, чтобы не попасть во власть “казаков”**. Ведь дело в том, что присоединение к Юго-Востобласти вызовет особое недовольство потому, что огромную часть населения этой области составляют казаки, а **казаки всегда были основными естественными врагами горцев**, и в течение 60-летней Кавказской войны, и в течение 4-летней гражданской войны, во время революции, когда казаками были разрушены десятки аулов и перебиты тысячи горцев (явные натяжки применительно к Дагестану. — *Ю.К.*). Терские, Кубанские и Донские казаки всегда были фигурами наиболее одиозными для горцев, носителями великодержавного насилия, несмотря на все усилия компартии, эта ненависть к казакам еще не могла быть искоренена, и **присоединение Дагестана к казачьим областям в глазах дагестанцев явится подчинением ненавистным казакам и вызовет взрыв негодования и сильнейший рост острого национализма**». В противном случае дагестанцы якобы были готовы перейти под власть Турции (хотя это для них и нежелательно) [Доклад пленума: 4—4 об.]

Здесь «дагестанцы» — это крестьянская масса, в своем большинстве в глаза не видевшая настоящих казаков, зато вполне определенно воспринимавшая слово «казак» как несовместимое со свободолюбием и собственной «гордостью», ибо оно отсылало к представлениям об отношениях с подчиненной категорией жителей горных селений. Даже люди просвещенные, воспринимая ситуацию вполне адекватно, не были способны избавиться от смысловых нагрузок. Один из них — шейх Али Хаджи Акушинский, авторитетный лидер дагестанцев в период Гражданской войны, хорошо знакомый с разными военными, политическими и т.д. силами, участвовавшими в «русской смуте», категорически отказывался от каких-либо связей с казаками. Членам горского правительства он писал: «Приверженцы казаков, находящиеся среди вас, будут изменники своему народу, который веками будет проклинать то место, где эти изменники будут жить. Я, Али Хаджи Акушинский, прошу очень энергично вас сообщить мне, кто из вас стоит за ислам и кто стоит за

казаков. Я думаю, что молодежь, чтобы не быть участниками в этих позорных для народа делах и чтобы не взять на свою душу тяжкого греха, останется далеко в стороне от этих изменнических действий». Горское же правительство упрекало его за сотрудничество, вплоть до военного, с большевиками [Тахо-Годи 1927: 98].

В пришедшей в Дагестан армии ген. А. Деникина казаки не составляли большинства, но были одиозным ее сегментом по причине содеянного в других частях державы и региона. Однако не только поэтому их можно и должно было упоминать в публичных обращениях. В конкретной дагестанской (крестьянской) среде само их именование — «казак» — не могло не вызывать двойственных, но не лишенных конкретики ассоциаций. И потому их было **выгодно** лишний раз вспомнить. Скорее всего, по этой причине и Али Акушинский, обращаясь к «соотечественникам», назвал оных в качестве главных врагов коренных интересов родной ему страны, ибо подчинение *узденей хъазахъ* ам выглядело очевидным попранием местных устоев, а через это и «**ислама**» как знака борьбы за свободу «своей национальности».

Понимать фразу шейха (процитированную в издании советской эпохи, а другие трудно найти), равно как и интерпретировать ее можно именно так, ибо советские руководители Дагестана, большевики, в очень скором времени в таком же ключе описывали ситуацию во вверенной их попечению республике.

Председатель Дагестанского Совнаркома Нажмутдин Самурский (Эфендиев) в изданной в 1925 г. брошюре подчеркивал прочные позиции ислама в Дагестане, неприятие местным населением любых вариантов «иноземного, гяурского», а также «греховной, проклятой западной цивилизации», и отмечал «расширение в последнее время мюридизма». Он же писал: «Прежде всего необходима наиболее полная национализация власти и ее аппарата. Больше, чем в какой бы то ни было стране, **в Дагестане вся власть должна состоять из местных людей**, чтобы не было никакой возможности говорить, что страной правят русские — гяуры (т.е. иноверцы, немусульмане)». Определенно звучала и его рекомендация отказаться в народном образовании от русского языка, так как к нему у горцев «ненависть» [Самурский 1925: 116, 118, 132]. А в 1924 г. в отправленном в Москву письме «43-х» значилось: «В своем отношении к национальным правам дагестанцы являются, может быть, самым сознательным и чутким народом в СССР» [Доклад пленума: 4].

Все становится на свои места. И должное место в этом ряду обретают слова того же Н. Самурского, который в книжке, изданной через два

года после цитированных документов и посвященной итогам революции, писал, что «благодаря падению размеров казачьего хозяйства батрачество — отхожие промыслы сократились на 75 %» [Самурский 1927: 18], имея в виду родной ему Дагестан.

Откуда взялись подобные цифры? Из пустоты. В «коренном» Дагестане казачьих поселений не было. Нет и прямых свидетельств тому, что дагестанцы до революции, занимаясь отходничеством, нанимались на работы к казакам вне Дагестана [Карпов, Капустина 2011: 51]. Эта фраза — дань политическому жупелу эпохи революции, казакам — «естественным» врагам трудящихся масс, в том числе горцев. Примечательно, что в 1926 г., когда вновь был поднят вопрос об отделении Кизлярского округа от Дагестана и о его переподчинении Северо-Кавказскому краю, Дагестанский обком направил очередное письмо в Москву с протестом, где отмечались, с одной стороны, незначительный процент казаков в населении округа, а с другой — полная лояльность местного казачества к дагестанской власти [Доклад комитета: 6–9, 57–72].

Политики умело манипулировали ситуацией. В данном случае от спекуляций было рукой подать до шантажа. Именно так можно расценивать адресованные в Москву заявления дагестанского руководства о том, что проходящая по территории их республики железная дорога связывает Россию с Закавказьем, с бакинской нефтью, и если в Дагестане «что-то» произойдет, то Россия останется без одной. Они говорили об особой политической роли Дагестана в Кавказском регионе, когда без поддержки его населения и Чечни, и Грузия оказались не в состоянии развернуть широкие антисоветские восстания, о «революционизирующем» примере Дагестана для народов Ближнего Востока и т.д. Авторы «Письма» поясняли: антиказачьи и — шире — антирусские настроения среди крестьянства республики, а оно составляет подавляющую часть населения, вполне закономерны — крестьянство только сейчас начинает воспринимать социальную сущность и задачи революции, а недавно закончившаяся Гражданская война была для него борьбой за национальную свободу. Но «такое настроение, — отмечали они относительно себя, — нельзя вменить в вину руководителям Соввласти в Дагестане, наоборот, им следует вменить в большую заслугу то, что это настроение не проявляется внешне». Эти заявления под угрозой начала новой Кавказской войны были нацелены на сохранение за своей республикой Кизлярского округа (якобы единственного, что дала Россия Дагестану помимо «голой свободы») и на отказ от присоединения Дагестана к «русским» областям [Доклад пленума: 3 об.–5]. Приведенными аргументами дагестанские руководители говорили Москве, что та вольна

поступать как знает, однако в этом случае они снимают с себя всякую ответственность. Москва не решилась на изменение status quo.

Однако в начале 1930-х годов, в «период развернутого наступления социализма по всему фронту», положение в Дагестанской республике было оценено Москвой как неудовлетворительное, и из этого следовал оргвывод — включить ДАССР в состав Северо-Кавказского края — передового в отношении коллективизации, промышленно развитого региона, который для Дагестана должен был стать «буксиром» в строительстве социализма. Было назначено и новое партийное руководство республики. И оным было категорично высказано, что все ранее звучавшие доводы против вхождения республики в край являются происками шовинистически и националистически настроенных классовых врагов. «Всяким попыткам агитации националистических элементов о том, что Дагестан с вхождением в С.-К. Край подпадет под влияние казачества, как было прежде, должен быть дан самый жесткий отпор, как агитации классового врага», ибо ныне казачество представляет собой колхозное крестьянство и является опорой советской власти. В такой же категоричной форме была заявлена недопустимость «ориентации на восток <...> как отражения пантюркистских настроений, делающих ставку на тюркизацию Дагестана» [Директивы и телеграммы: 52–62].

В новых условиях не могло не измениться и отношение к казачеству. Отныне уже стало недопустимым подумывать о двойственном восприятии казаков жителями Страны гор. Все должно было встать на свои места, коль скоро советское общество, пережив гражданскую междоусобицу, строило светлое будущее. В 1936 г. руководители Дагестанского обкома ВКП (б) встречались «с представителями советского казачества Шелковского и Кизлярского районов». На встрече разговор шел о развитии колхозов, об укреплении политической бдительности и т.п. Нажмутдин Самурский, тогда уже секретарь Дагестанского обкома, высказался и относительно близости культур казаков и горцев. «Вообще у терских казаков и горцев много общего в домашнем быту, costume, танцах и т.п. Если вы войдете в дом казака и горца, то вы не различите их в обиходе их быта (так в оригинале. — Ю.К.). Этим я хочу сказать, что абсолютно недопустимым является игнорирование черкески, поясов, кинжала и т.д. Приятно вас видеть в черкесках, в вашей форме» [Стенограмма беседы: 57].

Незатейливые сравнения должны были подчеркнуть органичность **вхождения** казачьих районов **в состав Дагестана**, но не **подчинение горцев казакам** (*хъзазахъ*'ам) (не «порабощение» вторыми первых,

о чем говорилось в «Письме 43-х» и что якобы угрожало дагестанцам при ином политико-административном раскладе).

В завершение отмечу, что в феврале 1938 г. Кизлярский и Ачикулакский районы «в целях успешного хозяйственного развития» были переданы от Дагестана Орджоникидзевскому (Ставропольскому) краю (правда, пастбищные угодья на этих территориях остались за хозяйствами горных районов Дагестана) [Известия. 1938. № 45].

На двадцать лет «казачий вопрос» для Дагестана перестал существовать. Однако в 1957 г. он возник снова в связи с возвращением Кизлярщины и Ногайской степи республике. Но это уже был новый виток союзно-республиканской политики, который вызвал новые проблемы (подробнее см.: [Карпов, Капустина 2011: 289 и след.]).

Источники

Директивы и телеграммы секретного характера. 1931 г. // Центр. госархив Республики Дагестан. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 1403.

Доклад Дагестанского областного комитета ВКП (б) об отделении Кизлярского округа и Ачикулакского района от Дагестана. 1926 г. // Центр. госархив Республики Дагестан. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 756.

Доклад расширенного пленума Дагестанского областного комитета РКП (б) в Центральный комитет РКП (б) по вопросу о районировании Юго-Восточной области и о предполагаемом включении Дагестана в эту область. 1924 г. // Центр. госархив Республики Дагестан. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 490.

Протоколы заседаний Наркомнаца за январь 1922 г. с материалами // Гос. архив Российской Федерации. Ф. р-1318. Оп. 1. Д. 10.

Стенограмма беседы руководителей Дагобкома ВКП (б) с представителями советского казачества Шелковского и Кизлярского районов и постановление областного комитета ВКП(б) о результатах проверки заявлений колхозников казаков и казачек Кизлярского и Шелковского районов. 1936 г. // Центр. гос. архив Республики Дагестан. Ф. п-1. Оп. 1. Д. 3146.

Библиография

Джиддалаев Н.С. Тюркизмы в дагестанских языках. Опыт историко-этимологического анализа. М., 1990.

Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор. Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. СПб., 2007.

Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX — начале XXI в.: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб., 2011.

Кашкаев Б.О. Гражданская война в Дагестане. 1918–1920 гг. М., 1976.

Кокиев Г.А. Крестьянская реформа в Кабарде. Документы по истории освобождения зависимых сословий в Кабарде в 1867 г. М., 1947.

Кривенко В.С. По Дагестану: Путевые заметки // Русский вестник. 1896. № 2–4.

Саидов М.-С. Аварско-русский словарь. М., 1967.

Самурский Н. (Эфендиев). Дагестан. М.; Л., 1925.

Самурский Н. (Эфендиев). Итоги и перспективы Советской власти в Дагестане. Махач-Кала, 1927.

Тахо-Годи А. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махач-Кала, 1927.

А.К. Касаткина

МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ В ПОЛЕ (заметки к программе полевого исследования)

Проблема атрибуции коллекций актуальна для любого музея, где имеются предметные или иллюстративные собрания, поступившие в эпоху, когда представления о задачах и принципах сбора научного материала отличались от современных. Исследователи, работающие в этой сфере, справедливо отмечают, что для раскрытия информационного потенциала старых коллекций необходимо тщательное сопоставление разных видов источников: музейных собраний, архивных документов, записок современников, более поздних монографий (см. например: [Прищепова 2011: 216]). Здесь я бы хотела сказать несколько слов о перспективах, которые открывает включение в список этих источников современных полевых материалов, и представить краткий набросок программы собственного полевого исследования, сфокусированного на музейных коллекциях (прежде всего фотографиях), которое я намерена провести летом 2012 г.

Попытки вывезти музейные фотографии в поле, где они когда-то были сделаны, антропологи предпринимают на протяжении последних нескольких десятилетий ([Binney & Chaplin 1991; Scherer 2003] и многие другие). В результате действительно удается идентифицировать изображенных людей, предметы, события, послужившие поводом для фотографирования. Важной частью некоторых таких проектов является «возвращение» (*repatriation*) исторических знаний, в том числе фотографий, составляющих культурное или семейное наследие потомков